

Ф. Малявин. — Визарь
(Третьяковская галерея).

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

FIAT

РУССКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО АВТОМОБИЛЕЙ ФИАТЪ.

Петроградъ, Москва, Варшава, Берлинъ, Киевъ, Одесса, Николаевъ, Вильно, Рига, Минскъ на Д.
Екатеринбургъ, Самара, Екатеринбургъ, Енисейскъ, Красноярскъ, Иркутскъ, Уфа, Омскъ.

№ 28.

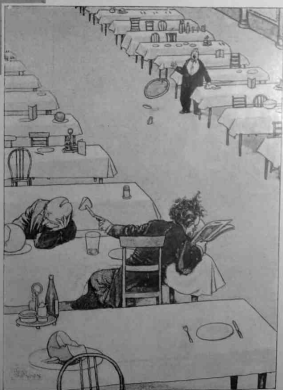

КАРРИКАТУРА
 БЕЗЪ ПОЛИТИКИ, ПАРТИИ,
 НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ,
 ЛИЧНОСТЕЙ...

Не рассчитали..

(Лев. карикатура)

(Прав. „Sketch“)

Верхъ разбѣнности.

(Лев. карикатура)

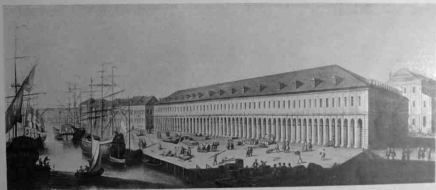
СТОЛИЦА и УСАДЬБА

№ 28.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ.

15 ФЕВРАЛЯ 1915 года.
ПЕТРОГРАДЪ.

Старый Гостинный Дворъ на Васильевскомъ островѣ.

Со стороны гавани
по рис. Миллера.

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ.

Торговая флорфоремъ въ XVIII вѣкѣ.

22 января 1736 года въ Петербургѣ было большое торжество—въ этотъ день Императрица Анна Иоанновна въ первый разъ обѣдала въ только что устроенной „60 шатовъ длины пѣвочной и богато убранной салѣ“. Эта „сала“ (т. е. зала) была пристроена къ Адмиралскому Зимнему Дому, который никогда принадлежалъ графу гр. М. Апраксину и находился на вѣсть вышедшаго Зимнего Двора, здания несуществующей его часть по Дворцовой набережной проектиръ Адмиралтейства; зала же была пристроена параллельно Адмиралтейству.

„Подъ золотыми балакинами, между золочеными столбѣми, на седьмоступенномъ высокомъ престолѣ“ (т. е. помостѣ) была убрана „золотыми серникомъ“ стола, за которыми воссѣла Императрица, нѣко по сторону Государини Цесаревны Елизаветы Петровны и Принцессы Анны Леопольдовны.

„Въ виду Ея Императорскаго Величества, по обѣимъ сторонамъ, въ длину сала открыты были для пѣвочныхъ совъ персонъ на пѣвѣ сала зѣлѣнные и въездъ малыми орнжеречемъ убранные стола“—послѣднее въ то время специальное названіе „балкетныхъ“ стола; въ этотъ праздникъ—22 января 1736 года—они были

только убраны пѣвочны и потому носили названіе „на пѣвѣ сала“, но зѣмъ давали самую разнообразную форму: иногда они представляли собою леру, въ другой разъ нѣхъ устраивали въ видѣ лутчаваго ора, также жерлако дѣлали въ видѣ вензеля. Составить проектъ такого „балкетнаго“ стола считалось дѣломъ перваго ишей государственной важности, къ которому привлекали лучшихъ архитекторовъ, подѣ многие нѣхъ зѣмъ проектиръ красуется карикатурна французская буква „R“, такъ подкисывался гениальнымъ архитекторъ графъ Растрелли-младшій.

На столбахъ между окна и за стѣнами въ залѣ стола въ балкетныхъ сосудахъ посажены помрамочные древа, нѣхъ которахъ нѣхъ палата подобно была прекраснѣйшему помрамочному салу“.

Въ этотъ описаніе придворнаго орнжерѣ зѣмъ превращеній. Лежи Ронза, выжиганка, выжиганка, выжиганка, оставшая послѣднее описаніе этой залы.

Прекраснѣйшее происшествіе по зѣмъ построеной залѣ, которая горѣла обнѣрнѣе, нежели зала св. Георга въ Венздорфѣ. Въ этотъ

Сансонскія чашки без ручень XVIII вѣка.

Изъ коллекцій барона Е. Ф. Таубе
и Д. М. Островерга.

день было очень холодно, но печь достаточно поддерживала тепло. Зала была украшена померанцевыми и вишневыми деревьями въ полномъ цвѣтѣ. Деревья, разставивши шпалерами, образовывали съ каждой стороны аллею, между тѣмъ какъ среди зала оставалось довольно пространство для танцевъ. Эти боковые аллеи оставляли гостямъ возможность часто отдыхать, потому что украшенныя саднинами въ цвѣтѣ шпалеры государыни. Красота, благоуханье и тепло въ этой своего рода оранжее—тогда какъ изъ оконъ были видны только лѣсъ и сибирь—казались чуждыми для москвитинъ и наполняли мою душу пріятными мечтами. Все заставляло меня думать, что я нисколько въ странѣ феи и въ моихъ мысляхъ въ теченіе цѣлаго вечера были: «Сонъ въ лѣтнюю ночь» Шекспира».

Сохранялись реверсы и счетъ тѣхъ сосудовъ, въ которыхъ стояли померанцевыя деревья: это были фарфоровыя цѣтники, одинъ большой въ 55 руб., другой въ 45 руб., третій въ 34 рубля, 10 цѣтничковъ поменьше по 11 рублей, 10 корытокъ по 13 рублей и 6 корытокъ—совсѣмъ маленькіе—по 3 рубля 30 копѣекъ каждое.

Но самое блестящее, самое видное украшеніе залы находилось «противъ стола Ея Императорскаго Величества въ концѣ зала»; здѣсь стоялъ «люстри» и порцелановое посудоу убранный поставъ, по обѣимъ сторонамъ оного сѣдальныя были два малые поставца».

«Порцеланъ совсѣмъ не китайскій, но португальскій есть и въ португальскомъ языкѣ чашку значить, а въ китайскій колонию и пегун-тѣмъ означаетъ. И порцеланъ есть ни что иное, какъ извѣстъ перекрѣпанъ и на пополамъ въ стекло обращенная матерія; а

по сложенію своему состоитъ онъ между стекломъ и цинкомъ. Если бы онъ состоялъ изъ перерезанъ, былъ бы стекломъ, тобъ, равно какъ и оное, не могъ устоять противъ пламени; а вѣкъ кинжалъ цинкомъ, къ чему же онъ оное по употребленію долготъ быть способенъ: не совсѣмъ прочивенъ, потому что не совсѣмъ стеклянъ. Особливо близка, къ числу дѣлръ оного принадлежаша, зашиты отъ матерій его составляющихъ».

Французъ Дельзъ въ своей поэмѣ «Садъ» восклицаетъ:
«Примѣръ двора священныхъ великокамъ, богачамъ».

И, дѣйствительно, «после чрезъ отразившихся голландцевъ въ Европѣ торга выкупили изъ Китая въ Японію фарфоровыя посуда всѣмъ такъ понравившаяся, что по общему обыкновенію почти не единый ковшъ изрядно убранный быть не могъ, въ которомъ оная посуда не найдется».

Были распечатаны эти сундуки въ 1731 году въ Историческихъ, Генеалогическихъ и Географическихъ Примѣчаніяхъ къ Санкт-Петербуржскимъ Вѣдомостямъ».

Если распространеніе «порцелана» было довольно широко, если изъ «порцелана» нуждалась всѣ, желаніе «порцелана» убранный было не легко. Число фарфоровъ было ограничено, а тайну обработки фарфора сохраняли очень тщательно. «Фабрика всегда въ Москвѣ, въ замкѣ была, гдѣ всякой работникъ одѣвъ свое дѣло отправлялъ и съ работникомъ другія работы никогда говорить не смѣлъ, дабы одному человѣку всего сего художества совершенно знать не возможно было и тѣмъ бы оное называли тайно дѣломъ»,—такъ вступая съ простыми рабочими, а «раба» т. е. дѣла, обязаные секретомъ изготовленія фарфоровой массы, представляли изъ себя государственныхъ цѣтничковъ, за которыми была самая бдительная и строжайшая надзоръ.

Петербургскій дворъ въ этомъ отношеніи былъ исключенъ: послѣ неудачной и неудачной исторіи съ однимъ изъ павловогоспекъ XVIII вѣка Тунгстеромъ, былъ введенъ русскій чинаръ, сынъ сан-

шеника, Дмитрій Ивановичъ Виноградовъ, товарищъ Ломоносова, который упорными, одинаждытѣльными трудами достигъ такихъ результатовъ, что, зачатое дѣланіе порцелана индустрію Божіею въ такую надежду по себѣ время имѣло, что безъ сомнѣнія умовъ должно видѣть оное въ своемъ совершенствѣ и въ непродолжительномъ времени»,—такъ писалъ баронъ Черкасскій Д. И. Виноградовъ 23 мая 1732 года.

Къ услугамъ двора была фарфоровая фабрика, именъ Императорскій Фарфоровый Заводъ; приближенные ко двору, петербургскія знатъ, пользуясь протекціей, могли получать порцеланъ съ этого завода, но какъ покупала фарфоръ обыкновенный, раздѣлъ обыватель. Петербурга, гдѣ и онъ, этотъ обыватель, хотѣлъ украшать свои покровы.

Первое время—царствованіе Императрицы Анны Іоанновны и первые годы царствованія Императрицы Елизаветы Петровны—фарфоръ, да и вообще другіе предметы роскоши, добывались съ аукционовъ. Волею продажа не была разрѣшена, желаній продать свои вещи должны были отнести ихъ къ «указному аукциону». Дѣлались это изъ-за интересной фиска, съ каждой проданной вещи вѣдѣлось прошеніе въ пользу казны.

Главными поставщиками этихъ «аукционовъ» были отказывавшіе изъ Петербурга иностранцы, начиная съ торговыхъ людей и кончая министрами-резидентами иностранныхъ государствъ. Отъходящие разсуждали правнано—зачѣмъ вѣтъ порцеланъ домой, гдѣ онъ всегда можно сравнительно дешево приобрести, дорогой онъ мож-

жетъ разбиться, а тутъ, въ Петербургѣ, охотниковъ много, и за какую нибудь фарфоровую штуку можно получить изрядныя деньги. Съ теченіемъ времени эти аукционные продажи становились все слабѣе и слабѣе и заставлявшие аукционные печатаніи объявленія, продавъ нисколькокупующихъ. Аукционный камера господъ разныхъ чиновъ и всякой покупщиковъ симъ потешивали восторгъ, чтобъ покупатели имъ съ аукционы вещи извѣдали бы избирать безъ провалами времени, особенно тѣхъ, которые покупали разныя фарфоровыя штуки, естъ что и послѣ сей публиканіи не возмѣтъ покупались вещей, то аукционная камера принуждена публиковать съ показаніемъ тѣхъ именъ, кто, кто купилъ и не забралъ».

Во время аукциона страсти разгорались, за продаваемую вещь давались зачѣтныя суммы, но такъ какъ аукционы обыкновенно бывали «безъ залата», вещь лишь записывалась за тѣмъ, кто далъ большую сумму и оное часто покупатели не брали, купившей вещи, не платили за нее деньги, не смотря даже на угрозу «прочесть» его фамалю.

Кромѣ такихъ аукционовъ были еще одинъ, совершенно особый, который происходилъ разъ въ годъ. Въ ранней веснѣ, изъ далекой Сибири, отъ границъ таежнаго Китая, приходилъ караванъ съ «сибирскоу рухлякомъ» (такъ звали мѣла, собранные въ видѣ дани съ сибирскихъ инородцевъ) и съ китайскими товарами—китайскій шелковый шифръ, голъ, хамра, камки, баберскы, галады, трамчаны ины помокатые смутны, шелковыя фарты и всякія прочія шелковыя наряды китайскы», также и съ китайскими порцеланомъ. Караванъ подходилъ къ Зимнему дворцу, въ покояхъ котораго, въ присутствіи Императрицы, раскладывались и разбирались привозимыя драгоценности.

Императрица Елизавета Петровна отбирала для себя, указывая, что оставить въ казенныя на подарки министрамъ и резидентамъ чужеземнымъ государствамъ, писала часть своихъ любимымъ и приближеннымъ, а остальное назначалось въ аукционъ.

Съ уменьшеніемъ значенія аукционовъ стала развиваться розничная продажа и впервые въ 1756 году (во крайній мѣртъ ми-

Банкетный столъ въ видѣ лиры, проектъ архитектора Растрелли.

Гостинный дворъ — творение архитектора

1

«На прошедшей недѣлѣ покрадено изъ состоящаго на Кесинской Ея Императорскаго Величества дачѣ дома изъ фаянсовой съ живописью сервизу тарелокъ плоскихъ 85, кружекъ, профанскихъ 2, кружекъ съ крашками на мороженное 8, со изображеніемъ на каждой вещи зеленого шеста ангуштинъ». Это былъ знаменитый екатерининскій сервизъ съ ангуштинами, заказанный ею для Чесменскаго дворца. Покрашенная вещь и розыскались: пошлей, которая въ этотъ разъ оказалась на высотѣ позолоты: покражу отыскали.

Появлялась на рынокъ и «французская цинниная посуда», но, видимо, не въ большомъ количествѣ; была, наконецъ, сдѣлана попытка распространить и «берлинскій фарфоръ». Попытка отпала въ 1784 году. Торговаться «берлинскимъ фарфоромъ» жилъ не въ Петербургѣ, а въ Ригѣ, но обратился онъ съ своимъ предположеніемъ черезъ объявленіе въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» къ петербургской публикѣ. У купца Иогана Вильгельма Гельмунда

такъ, гдѣ теперь возвышается Государственный Банкъ—толеріе Гваренги. Больше, чѣмъ вѣроятно, что эта «длинная» посуда была произвѣсна съ московской фабрики Аванастіа Кирпилова Гребенякова, который, по справедливости, можетъ быть названъ инициаторомъ фаянсовой дѣлы въ Россіи. Эта фабрика существовала со временъ Петра Великаго и была открыта вслѣдствіе вывоза, сдѣланнаго въ Москвѣ отъ мануфактуръ-коллегіи въ 1723 году «съ барабанными боемъ». Мануфактуръ-коллегіи, разсуждая о ценовой высокой посудѣ, которая дѣлается изъ бѣлой глины и вывозится въ Россію изъ другихъ государствъ, а въ Россіи такая была глина находится, изъ которой нѣмѣется посуда, что можно дѣлать въ Россіи такую же посуду и табачныя трубки, вонюче, какъ видно, что во многихъ мѣстахъ мѣстные крестьяне отъ неумѣнья дѣлають изъ этой глины простую бѣлую посуду, и выдѣлава железяки устроють фабрику «для выдѣлки цинниной посуды и табачныхъ трубокъ изъ мѣстной бѣлой глины по образцу Западной Европы, общаго между предпринимателямъ дать привилегію Ею Императорскаго Величества и оказать свое содѣйствіе».

Англійскій фаянсъ (жестіи) XVIII вѣка съ пейзажами и сценами сельской жизни.

Изъ коллекціи
барона Е. Ф. Трубе.

въ Ригѣ,—читаемъ мы въ этомъ объявленіи,—продается берлинскій фарфоръ, какъ въ познанныхъ сервизахъ такъ и особенно, по самымъ тѣмъ цѣнамъ, по которымъ изъ Королевской фабрики въ Берлинѣ въ продажу выходятъ, однако съ прибавленіемъ пошлны и 10 копѣекъ на рубль за таможенные расходы». Такими огульными, дѣлались первая приманка—дешевизна цѣны: изъ словъ дѣлать, въ Ригѣ заплатить почти то же, что и въ Берлинѣ, какъ не раскутить и не купить! Но Иоганъ Вильгельмъ Гельмундъ не удовольствовался только этимъ приманкою, но, указавъ, что «продается производится единственно на наденныя легиты», онъ точнѣе прибавилъ: и кто на 1000 Единицъ вартъ, возмѣстятъ, тотъ получитъ по прейскури и уступку». Кроме этого, Гельмундъ принималъ «въ комиссію на фарфоръ, которые кто захочетъ положить заказъ въ Берлинѣ по собственному своему вкусу, но при пренесеніи каждой комиссіи сдѣлаетъ заплатить нѣсколько въ задатокъ».

Первое указаніе на продажу русскаго фарфора, найденное нами, относится къ 1760 году: «Привезенная изъ Москвы столовая цинниная посуда продается на Адмиралтейской сторонѣ на Морскомъ рынкѣ въ новопостроенныхъ лавкахъ, въ лавкѣ с.-петербургскаго купца Ивана Дьяконова № 17. Морской рынокъ помѣщается

Привезенная въ Петербургъ изъ Москвы «длинная» посуда была ли была настоящимъ фарфоромъ, вѣрнѣе грубымъ фаянсомъ. О русскомъ московскомъ же фарфорѣ находимъ небольшое свидѣніе въ 1792 году: въ Каменномъ гостиномъ дворѣ въ своей лавкѣ № 65 продается зеркальные съ подножкомъ стекла, фарфору, бронзовые запяски, фарфоровыя московскія двѣтки и берлинскія сѣмья чайныя чашки, китайскія чашки безъ ручекъ, фарфоровыя тарелки и чайныя, чайники, молокошники, бляды, термосы, чашки поскатальныя и другая посуда наловая, полные лакированные и краснаго дерева, разная посуда хрустальная, сервизъ жестяной». Такимъ образомъ московскій фарфоръ продавался вмѣстѣ съ берлинскимъ и китайскимъ. Нужно думать, что это была чашка съ завода Гавенера.

Въ 1796 или 1797 году открылась какая то фабрика фарфора въ Петербургѣ, на Петербургской сторонѣ.

Первое свидѣніе объ этой фабрикѣ заключается въ объявленіи о продажѣ отъ въ 1797 году—свидѣтельство, фабрика была заведена ранее: «Въ С.-Петербургской частѣ на берегу рѣки малой Невки, вонюче Самсоновскаго моста, въ деревянномъ домѣ № 504 заведенная фарфоровая фабрика продается какъ съ фабрикою, такъ и съ деревнями, имѣющими 240 душъ, изъ которыхъ деревня доставляется на новую фабрику колоды, глина, кварцъ и фелдъ».

Фасад дома в Покровском, со стороны подъезда. (Правая половина пристройки).

ПОКРОВСКОЕ,

Пореченского уезда, Смоленской губ.
(Имение бывш. Энгельгардты).

Передь нами примѣръ русской усадьбы во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательной.

Въ глуши Смоленской усадьбы возникаетъ дворецъ, полный классическихъ линий архитектуры, расписанный изысканными фресками, обставленный прекрасною стильною мебелью; даже кафельная, бѣлая лечи-колонны на мощныхъ пьедесталахъ, стоящіе въ украшенныхъ кессончатыми куполами нишахъ — chef d'oeuvre этого рода художественнаго производства...

Но когда? въ которомъ году построена? какимиъ зодчими? по чьему плану? кто были эти смѣлые и оригинальные художники, покрывшіе стѣны залъ и гостиныхъ поразжающей красоты и еще большей фантастики, причудливыми фресками? кто жилъ здѣсь, кто любовался всею этой художественною изысканностью? и далѣе — къ кому перешла усадьба въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія, что стало съ нею, почему такому забвенію предана она теперь и такъ уничижены залы, кажется, необитаемаго дворца? Ничего неизвѣстно...

Обычная исторія. Постоянно въ Россіи встрѣчаешь такую картину: печальная судьба многихъ дворцовъ первокласснаго зодчества. Но еще печальнѣе то, что даже исторія подобныхъ усадебъ постепенно бываетъ предана забвенію.

Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ въ данномъ, посчастливилось одной изъ такихъ ветхихъ усадебъ

Прекрасно сдѣланные (хотя не многочисленныя, къ сожалѣнію) снимки, всетаки даютъ понятіе о красотѣ сооруженія.

Эти снимки были сдѣланы благодаря энергіи и огромному интересу къ русской художественной исторіи, книжника М. К. Тенишевой.

Вотъ немногія свѣдѣнія, сохранившіеся объ усадьбѣ у примыхъ потомковъ бывшихъ владѣтелей Покровскаго — Энгельгардтовъ:

Дворецъ и имѣніе въ концѣ XVIII столѣтія принадлежали моему родному дѣду, генералъ-аншефу, сенатору и проч. Василію Васильевичу Энгельгардту. Отъ него въ 1828 г. (въ годъ моего рожденія) перешли по наследству къ его младшему сыну, моему отцу, полковнику Павлу Васильевичу Энгельгардту, которымъ были проданы въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Дальнѣйшая судьба Покровскаго, о которомъ и сохранилъ лишь смутныя воспоминанія, мнѣ неизвѣстна.

Фотографія получена мною отъ книжника М. К. Тенишевой, основательницы извѣстнаго археологическаго музея въ Смоленскѣ. Фотографіи были сняты по ея распоряженію нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Такъ пишетъ внукъ и даже сынъ владѣтелей усадьбы Василій Павловичъ Э. Но построилъ ли это имѣніе генералъ-аншефъ Энгельгардтъ или оно было имъ

братено у другого лица—осталось неизвестным в третьем поколении.

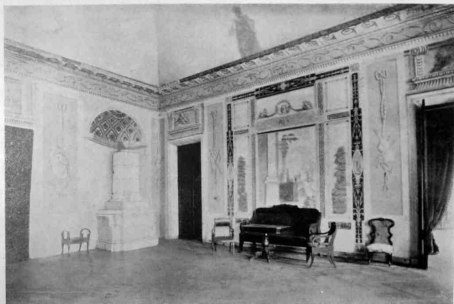
Как быстро покрывались забвением родная воспоминания!

Где же отыскать подробности по истории Покровского? Старинные, милая томики мемуаров и желтые листки дневников не откроют нам, конечно, имени художника, творца этой усадьбы.

Эти милые листки и дневники семейных архивов, сколько трогательных подробностей домашней хроники сообщается в них! Упоминаются все гости, перечисляются любимые вещи, случаи «экстраординарные», цены на материалы и, подчас очень полезные исторические сведения, но имени виновника всего

не строила. Усадьбы Екатерининского создания, а граф Варволомей Варволомевич был зодчим Елизаветинского времени. Делая эту вставку для лишь все еще упорно продолжающих всякое мало-мальски приятное или тем более классическое (с портиком) сооружение относить к этому нарицательному имени. Особенно часты такие «приписывания» в Смоленской губернии, где, кстати, нет ни одного усадебного здания старше 1760-70 годов¹⁾.

Безплодно было бы обращаться к источнику официальному. Архив губернского Правления, строительные отделы которых начали свою деятельность более или менее продуктивно лишь в 10-х

Покровское. Одна из гостиных дома, с печью в виде колонны, поставленной в нише.

этого художественного торжества, в котором происходить «действие», не сообщается в мемуарах.

Рисунки помещиков-художников (самоучек) часто показывают нам с большой наглядностью, как плохо, ложно понимали красоту собственных зодческих ценностей их владельцы. К чудесным ампирическим фасадам приставляли нестройные мавритано-готические или без всякой архитектуры тельяжи; колоннаду застеклили, заполнить помещением, пристроить тамбур в палатную к зданию—было делом обычным, а домашние самоучки-художники все это рисовали и подчас очень талантливо, точно (рисунки гр. Гендрикова, Ширкова и др.), не замечая тех уродств, которыми они искажали вид своих дворцов.

И если возьмем Покровское, то на снимке, изображающем зал увидим как-то ужас сдвинутой над дверями плюшевой драпировки с фестонами... И что же удивительного в том, что дворец подобный Покровскому был продан в 30-х годах.

Кто строил Покровское? Только не Растрелли! Так Растрелли никогда не строил. И вообще усадьбы

годах XIX столетия не может заключать среди своих, даже, что либо даже отдаленно касающееся провинциально-губернского частновладельческого строительства. Даже в отношении построек казенных и то мы получаем лишь скудные сведения, касающиеся чаще всего позднейшего времени. Сохранились для о перестройках, но оригинальные планы зданий очень редки. Конечно тем более не найти ничего в Городском Архиве. Здесь сосредоточены были для исключительно о постройках в городе, но имея выдающегося зодчего тешно мы искали и здесь.

Да и вообще приписать возведение усадьбы в Покровском таланту местного едва ли удастся.

Заблужд случайный мастер иностранец также едва ли мог так хорошо знать условия строительства усадьбы в России: тип Покровского очень распространенный.

1) Отмечать, кроме описанных нами в № 9 «Ст. и Ус.» за 1914 год смоленских усадеб, Татеево, мы не имеем Рязанского—одну из замечательнейших усадеб всей России.

ПОКРОВСКОЕ.

Роспись стѣнъ въ одной изъ
маленькихъ гостиныхъ.
Къ сожалѣнью исчезли колонны,
подпиравшіе карнизъ. Мебель
поздняя.

тается одно предположение: ея авторомъ былъ изъ лучшихъ мастеровъ Екатерининскаго классицизма еще не чуждавшася формъ готики (въ деталяхъ). Имя автора мы и постараемся выяснить въ дальнейшемъ.

Имяе, оказывается, могло быть осягомъ интереснѣйшихъ историческихъ фактовъ, свидѣлемъ характеристикъ бытовыхъ спенъ, и свидѣнію объ этомъ намъ дадутъ скорѣе страницы чистой исторіи, а также, съ оговорками, историческіе романы и преданія, больше, нежели документы, (которыхъ и не могло быть

ярче характеръ богатой жизни, которою жила усадьба, почувствовать все же тотъ вкусъ къ изящному и ту любовь къ красивому и въ искусствѣ, и въ жизни, которою напитава была атмосфера, царившая въ залахъ дома на Портьчи... Коснемся теперь генеалогіи рода Энгельгардтовъ.

Вас. Андр. Энгельгардтъ, умершій въ 1794 году, былъ ротмистромъ, жилъ въ Смоленскѣ и былъ женатъ на родной сестрѣ всеишняго князя Григ. Алекс. Потемкина Таврическаго—Еленѣ Ал-андр. Потемкиной.

Дѣти отъ брака этого—два сына и шесть дочерей. Всѣ дочери выданы были блестяще замужъ, напр.: за

Покровское. Большой залъ, съ чудесною росписью плафона и панно на стѣнахъ. Мебель частью конца XVIII в., частью поздняя.

въ отношеніи такихъ таинственныхъ фактовъ) или путевые очерки лицъ, описывавшихъ видѣнное, печатавшихъ то, о чемъ можно было писать, но не упоминавшихъ о томъ, что все знали, но говорить считали неудобнымъ...

Не мало большого труда для того, чтобы, просмотрѣвшись внимательно къ изображеннымъ здѣсь богатымъ мнѳологическимъ сюжетамъ, пышнымъ ландшафтамъ, обильнымъ корзинамъ фруктовъ и цвѣтовъ, убѣдиться въ томъ, что все эти виноградныя лозы, обвивающія трельяжи, идиллическіе пейзажи, и даже кое-гдѣ уцѣлѣвшія козетки и вычурныя стулья говорить живо, рассказывать намъ образно о многомъ, о чемъ не найти на страницахъ историческихъ книгъ...

Росписи залъ Покровскаго—краснорѣчивыя строки. Къ сожалѣнію на страницахъ не помѣстились фигурныя изображенія въ распахнутыхъ, по угламъ и падагугамъ сводовъ: послѣднія дали бы возможность понять еще

гр. Скавронскаго, графа Браницкаго, кн. Голицына, Потемкина (потомъ вторымъ бракомъ за Юсупова) и т. д. Безъ особаго трудовъ Вас. Энгельгардтъ (сынъ) быстро достигъ высокаго положенія, сталъ въ 1800 г. уже генералъ-поручикомъ, сенаторомъ и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Онъ не былъ женатъ, но принялъ на воспитаніе и усыновилъ трехъ мальчиковъ и двухъ дѣвочекъ. Такимъ образомъ потомство продолжилось и одинъ изъ „сыновей“ его Павелъ Вас., полковникъ, и былъ тотъ, о которомъ идетъ рѣчь вначалѣ, и который „продалъ имяе въ 1830-хъ годахъ“.

Передъ нами вопросъ—обязался ли усадьбой въ полученной вотчинѣ Василій Андреевичъ Энгельгардтъ, умершій въ 1794 году, и здѣсь ли онъ принималъ знаменитаго деан frère'a, ижко любившаго своихъ племянницъ, для этихъ ли пріемовъ знатнаго гости—былъ построенъ дворецъ. Такъ какъ В. А. Энгель-

ть умерь всего ротмистромъ, то, очевидно, онъ росъ отъ Потемкина награды служебныхъ, а довольствовался земельными угодьями, которая Потемкинъ могъ дарить отцу ибнко любимымъ имъ племянникъ для того, чтобы послѣднiя могли получать при выходѣ замужъ хорошее приданое.

Если полагать, что домъ былъ построенъ за 10—15 лѣтъ до смерти В. А. Энгельгарда, то допущение такое вѣроятно и съ возрастомъ племянникъ, который именно въ 1785 году почти всѣ были въ цѣтушемъ возрастѣ: напр. наиболее интересная изъ сестеръ Александра Васильевна (по мужу Браницкая) родилась въ 1754 году и вышла замужъ въ 1781 году.

Но возможна и другая версія. Вас. Вас. Энгельгардъ, братъ престелныхъ сестеръ, къ 1790-мъ годамъ достигшiй уже высокаго положенiя, очевидно могъ обзавестись усадьбою, построить себѣ домъ и будучи бездѣтнымъ, охотно усыновлялъ приимаемыхъ имъ на воспитанiе дѣтей.

Въ первомъ случаѣ—домъ построенъ Вас. Андр. Энгельгардъ и служить для обитанiя въ немъ всей семьи, во второмъ—лишь молодого Вас. Вас. съ воспитанниками и воспитанницами.

Скорѣе допустимо второе предположенiе—стиль зданiя былъ для того времени всецѣмъ новымъ, и едва ли престарѣлый, скончавшiйся въ 1794 году Вас. Андр. строилъ бы такъ.

Внутренняя же отдѣлка вась склоняется болѣе къ тому убѣжденiю, что домъ былъ построенъ именно Вас. Андр. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, мыслимъ, чтобы генералъ, сенаторъ и дѣйствительный статскiй совѣтникъ могъ допустить въ своемъ домѣ такiе сюжеты росписей, такiе неселые идилическiе пейзажи, почти грубые, вакические и во всякомъ случаѣ насыщенные почти помпейскимъ содержанiемъ, панио?

И вотъ при условiи, что домъ былъ всецѣмъ построенъ Вас. Вас., приходится объяснить характеръ убранства только тѣмъ, что онъ былъ оборудованъ не только для жизни холостого генерала, но и для того, чтобы служить мѣстомъ сѣзда, пребыванiя и свиданiя членовъ его семьи, его престелныхъ племянникъ съ знатнымъ ядѣшкой...

Помпезный, украшенный стройной колоннадой портика и увѣнчанный огромною деревянною ротондою съ главною (тоже съ колоннадой) въ видѣ купола, расписанный какимъ-то талантливымъ мастеромъ, домъ заключаетъ въ себѣ такiмъ образомъ не мало какихъ-то неразгаданныхъ тайнъ.

Конечно, домъ въ теперешнее его видѣ, съ облупившеюся мѣстами штукатуркою, съ камины то нефѣлыми, грубыми, страннаго вида приборами, яду плохо разбирающемуся въ достоинствахъ архитектурной красоты, скажемъ мало. Но цѣлитель зодчества ранняго екатерининскаго классицизма увидитъ сразу, что передъ нимъ произведенiе не зауряднаго мастера московской школы архитектуры XVIII вѣка.

Вспомнимъ только нѣкоторыя сходная по общему массамъ московскихъ зданiй — Руминцевскiй музей. Вспомнимъ, напримѣръ, домъ ибншней VI гимназiи (домъ б. Шелелевыхъ)—сходство огромное!

Пропорцiи колоннадъ, арка въ цоколѣ подъ нею; боковые „павильоны“ въ видѣ окна съ полукруглою среднею частью, покрашеного фронтонами, готическiя украшения надъ окнами въ боковыхъ крыльяхъ, все это указываетъ на возможность авторства одного изъ лучшихъ московскихъ зодчихъ конца XVIII столѣтiя, какъ извѣстнаго строившаго въ провинцiи—Матвѣя Казакова, автора указанныхъ московскихъ зданiй, допускавшаго въ своихъ ампириныхъ постройкахъ готическiе детали. Строитель царинскаго дворца не могъ отдѣлаться отъ нравившихся ему готическихъ арочекъ и деталей и прикомпоновалъ ихъ даже

къ классическимъ зданiямъ. Домъ Яновскаго въ Калугѣ (гдѣ, какъ извѣстно, строилъ Казаковъ), детали нѣкоторыхъ зданiй въ Твери (гдѣ онъ также строилъ)—указываютъ на его руку и въ этомъ случаѣ.

Конечно, въ глуши пришлось отступить отъ многихъ чертъ проекта. Очевидно помощникъ зодчаго, не могъ справиться съ возведенiемъ каменнаго купола, не рѣшился поставить его на слабую стѣну, или забылъ ихъ предварительно усилить, и эта ротонда изъ дерева, обитая желѣзомъ, производитъ нѣсколько жалкое впечатлѣнiе и во всякомъ случаѣ буфаторское.

Войдемъ внутрь дома страннѣмъ подъездомъ, низенькой аркой въ цоколѣ. Обширный, тоже низкий вестибюль. Парадная лѣстница, въ верхнемъ этажѣ рядъ залъ.

Теперь пустынные и уставленные мебелью значительно болѣе поздняго времени, они все же производятъ огромное впечатлѣнiе художественностью обработки зала и росписью стѣнъ.

Убогая драпировка, мебель рокайлъ эпохи начала царствованiя Александра II и попорченная мѣстами штукатурка, недостающiя въ нишахъ колонны—все это не уменьшаетъ нисколько красоты залъ. Почти то же, чѣмъ можно любоваться въ домѣ Кологривова въ Калугѣ. Много общаго въ характерѣ живописи, и главное въ сюжетахъ, упомянутаго дома и Покровскаго дворца.

Росписи стѣнъ еще не ампиры, а екатерининскiй Louis XVI. Вѣлки, гирлянды розъ, букеты и корзины фруктовъ, пестрые цвѣты въ удивленныхъ шестиугольникахъ, скрещивающiеся вѣтви дубовыхъ и лавровыхъ листьевъ, масляничаго дерева и тростника, пейзажи на цвѣтныхъ фонахъ, какъ камень тонко вырѣзанные силуэты какiхъ-то фантастическихъ-городовъ... Но особенно хороши полукруглые плафоны съ изображенными въ нихъ пейзажами. Панио на стѣнахъ удивительно напоминаютъ по краскамъ и общему приему подобныя росписи въ заднихъ комнатахъ виллы Мазеръ въ окрестностяхъ Кастельфранко въ Италiи. Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго: лучшiе фрескисты этого времени были италiйцами. Торичелли, Скотти—изъ нихъ наиболее извѣстны, хотя, правда, они работали въ Александровское время въ иномъ духѣ.

Отмѣтимъ въ другомъ залѣ богатый орнаментъ въ фронтѣ и престелный, совсѣмъ италiйскiй античный пейзажъ панио—оно изображаетъ подъѣздъ какой-то виллы и городъ адалы. По бокамъ панио—подвижные къ лентамъ музыкальные инструменты и театральные аксессуары.

Печи—одна въ видѣ колонны въ кессончатой нишѣ, другая въ видѣ вазы на богатомъ пьедесталѣ. Очень интересна ниша одной изъ гостиныхъ. Ея уютность увеличивается чрезвычайно оригинальной росписью стѣнъ.

Кессончатый куполъ ниши представляетъ ажурный и вмѣсто розетокъ, обычныхъ въ кессонахъ, написаны вѣтки деревьевъ, растущихъ отъ пола такiмъ образомъ, что подъ куполомъ ниши продолжаются вѣтви и стволы, а куполъ поддерживается тоненькими колонками. Оригинальность замысла болѣшая, чѣмъ характеръ выполненiя; послѣднее мѣстами не очень богато. Но все же общее зеленое пятно растительности, весело врывающейся какъ будто въ самую комнату даетъ впечатлѣнiе, будто растений живыхъ... Эта комната, является наиболее показательною для всего сказаннаго нами о жизни и происходившихъ здѣсь любовныхъ бытовыхъ сценахъ, сценахъ столь типичныхъ для нравовъ того времени, создавшаго великолѣпныхъ „временникъ“. Отзвукомъ жизни, дѣятельности, характера и вкуса одного изъ нихъ—Потемкина,—и является „Покровское“...

Г. К. Лукомскiй.

Постановка Г. Г. Иванова.

СТАРИННЫЙ ХРАМЪ ВЕСЕЛЬЯ.

(КАМЕННООСТРОВСКИЙ ТЕАТРЪ).

«Первоя іюля,—гласитъ петербургская хроника— 1827 года состоялось, въ присутствіи Государя Императора, торжественное открытіе новаго лѣтняго театра на Каменномъ Островѣ*».

Открытіе это состоялось ровно въ часъ дня. На сценѣ были представлены опера-подевіе князя Шаховскаго „Казакъ—стихотворецъ“ и переводная комедія П. А. Каратыгина „Двое на четверыхъ“. Вечеромъ былъ концертъ и балетный дивертисментъ.

По словамъ сторожиковъ, царь Николай Павловичъ очень любилъ этотъ театръ и часто посѣщалъ его. Проживая лѣтомъ въ Елагинскомъ дворцѣ, императоръ пѣшкомъ ходилъ въ Каменноостровский театръ и въ день спектакля утромъ спрашивалъ директора театра, что сегодня назначено къ представленію.

Въ самомъ театрѣ онъ садился въ кресла и, окруженный блестящей плеядой офицеровъ, шутилъ съ ними, выражалъ одобреніе или дѣлалъ порицаніе играющимъ актерамъ, вслухъ. Въ антрактахъ онъ проходилъ къ нимъ на сцену, бесѣдовалъ съ нѣкоторыми изъ своихъ любимцевъ, шутилъ и затѣмъ возвращался на свое мѣсто, досматривая пьесу до конца.

Кромѣ комедій и подевіевъ, ставились здѣсь даже цѣлая опера. Между прочимъ, была поставлена „Феяла“ Обера, причемъ роль нѣмой исполняла красавица Адрианова, а Мазоньело пѣлъ теноръ Шарпантье. Въ болѣе позднія времена эту роль исполнялъ здѣсь же І. Я. Ситовъ, впоследствии извѣстный оперный антрепренеръ. Ставили „Жизнь за царя“ съ Сусанинымъ—Петровымъ.

Все это мнѣ вспомнилось теперь, когда прошли слухи, что старинный храмъ Мельпомены, нѣсколько десятковъ лѣтъ служившій уже складомъ декораций, назначенъ къ уничтоженію¹⁾.

Быть можетъ, онъ даромъ занимаетъ красивое мѣсто, или какія нибудь другія причины заставляютъ спѣшить съ его уничтоженіемъ, но мнѣ лично, да я думаю, и многимъ изъ любящихъ петербургскую старину, жалъ этого восемнадцатилѣтняго пете- рана. Его бѣлый фронтонъ съ деревянными колонна- ми, просвѣчивающій черезъ густую листву дере- вьевъ, всегда навѣвалъ на меня какую то таин- ственную прелесть... Точно старая сказка, уже полу- стертая въ памяти, онъ напоминаетъ о чемъ то далекомъ, давно пережитомъ, о свѣтлыхъ дняхъ юности, ея увлеченіяхъ, ея радостяхъ...

Семидесяте годы я лѣтомъ жилъ въ Старой Деревнѣ. Тутъ протекали мои младенческіе и юно- шескіе годы и, начиная съ одинадцатилѣтняго воз- раста, я каждый вторникъ и пятницу посѣщалъ Каменноостровский театръ.

Въ немъ мнѣ пришлось застать еще нѣкоторыхъ изъ станъ славныхъ артистовъ прошедшаго періода. Тутъ игралъ трагикъ Леонидовъ, наследникъ Ка- ратыгина въ его роляхъ, комикъ П. А. Каратыгинъ, братья знаменитыя Василія Андреевича, комикъ Озе- ровъ, Марковскій и многіе другіе. Здѣсь же начи-

нали свою сценическую карьеру многіе изъ совре- менныхъ артистовъ.

Одни изъ нихъ уже окончили свою дѣятельность, другіе умерли...

Несмотря на лѣто, здѣсь играли почти всѣ премьеры Александринской сцены. Выступали: Наль- скій, Самойловъ, Киселевскій, Моисаховъ, Сазоновъ, Струйская, тогдашняя премьерша, Лелева, Алексан- дрова, Полтавцева, Провскій...

Опера давалась отрывками. Между прочимъ, тутъ была поставлена старинная опера Герольда „Цампа, морской разбойникъ“. Послѣ драматическихъ пьесъ ставили обыкновенно небольшой балетикъ, вроде „Тщетной предосторожности“, или балетный дивертисментъ.

Рядомъ съ театромъ находилось лѣтнее помѣщеніе для воспитанницъ театрального училища. Каждые вторникъ и пятницу дѣлая сторона ложъ второго яруса занималась ими.

Какой цѣтникъ молодыхъ дѣвчачьихъ головокъ представляли эти ложи! Въ голубыхъ платкахъ съ бѣлыми пелеринками, точно свѣже распустившіяся незабудки! Тутъ же на сценѣ дебютировали нѣ- старшія сотоварищи, для которыхъ спектакли въ Ка- менноостровскомъ театрѣ служили лѣтней практикой передъ настоящимъ зимнимъ сезономъ.

Какая масса молодежи собиралась, обыкновенно, около театра, ожидая, когда изъ дачи училища потянутся эта оживленная лента молоденькихъ воспитанницъ...

Мимолетные взгляды, знаки рукой, иногда цѣты, переданные украдкой, даже скромная коробка кон- фектъ,—все это служило къ возникновенію невинныхъ романовъ, украшало жизнь молоденькихъ затворницъ.

На балконѣ домика, выходившаго на шоссе, воз- сѣдѣлъ, обыкновенно, самъ П. С. Федоровъ, заведѣ- вавшій какъ училищемъ, такъ и нѣкоторыми статьями театрального хозяйства.

Покойный романтикъ А. А. Соколовъ въ своемъ романѣ „Театральный болотъ“ называетъ его Губоце- ловымъ. Дѣйствительно, низкая губа Павла Степа- новича была грандіозныхъ размѣровъ, онъ сонливо поглядывалъ на проходившихъ мимо его балкона молодыхъ людей и строго блюлъ нравственность своихъ воспитанницъ, хотя, какъ гонорить сторожилы, за извѣстную мзду, смотрѣлъ сквозь пальцы на нѣ- которую шалости влюбленыхъ.

Посѣщеніе Каменноостровскаго театра вошло у меня въ обыкновеніе.

Въ Старой Деревнѣ у насъ даже образовалось среди молодежи цѣлое общество театралныхъ лю- бителей. Человѣкъ семи—восемь, мы брали дешевая мѣста въ ложѣ, купоны въ третью ярусъ стояли тогда сорокъ конфектъ, и, въ антрактахъ, замѣтивъ пустыя кресла въ партерѣ, перебаривали туда.

Капельдинеры это замѣчали, но благосклонно разрѣшали намъ такое перемѣщеніе.

Я забирался въ театръ очень рано. Меня интере- совало все въ немъ. Ложи были открыты и я входилъ въ помѣщеніе, когда еще въ немъ не было зажжено ни одной лампы.

¹⁾ Г. Г. Поздновъ-Скворцовъ, недавно умершій, писалъ эти свои воспоминанія сама же не поставивши перекъ смерти.

Процесс зажиганія средней люстры представлялъ иже любопытное зрѣлище: сверху изъ отверстія олка спускался на желѣзномъ балкончикѣ служитель и начиналъ заправлять лампы. Не помню теперь, кажется, даже не керосиновой, а масляной. Засвѣтивъ ихъ, онъ такъ же „воспарялъ“ снова на потолокъ и театръ освѣщался довольно тусклымъ свѣтомъ. По высокаторжественнымъ дѣламъ около ложъ зажигались еще двухсвѣчные бра.

Точно также на сценѣ изъ-за занавѣсей выходилъ служитель и, не сѣдая, принимался освѣщать рампу, тоже состоящую изъ керосиновыхъ или масляныхъ лампъ.

Уже послѣ второго звонка протягивалась голубая лента воспитаницъ въ белъ-этажѣ. Появленіе ихъ было достаточно для того, чтобы сейчасъ же цѣлая артиллерія биноклей направилась туда.

Молодежь партера и предметы ихъ наблюденія дружески привѣтствовали другъ друга кивкомъ головы, иногда осторожнымъ воздушнымъ поцѣлуемъ, движеніемъ руки.

Среди воспитаницъ находились въ то время красавицы: Претечина, яркій типъ восточной красоты, Лезинская, съ итѣмскимъ типомъ лица, покойная

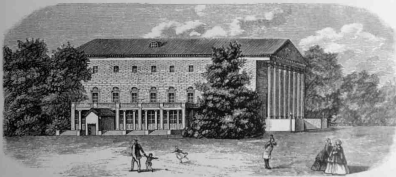
Поставили какъ то „Доходное мѣсто“ Островскаго и въ немъ выпустили дебютанта Каширина, тогда еще совсѣмъ юнаго актера.

Комикъ Виноградовъ игралъ Юсова, а въ Поленькѣ выступила г-жа Магнусъ, только что окончившая театральное училище. Она подавала большія надежды, но не долго пробыла на сценѣ и исчезла.

Здѣсь же выступилъ въ первый разъ въ роли Маломайскаго А. З. Бломенталь-Тамаринъ, впоследствии талантливый опереточный комикъ, извѣстный антрепренеръ.

Поставили какъ-то французскую оперетку „Всѣ мы жаждемъ любви“. Въ то время оперетка только что начала завоевывать мѣсто въ театрѣ, и почему то ее старались привить къ нашей казенной сценѣ. Въ ней въ роли повѣсы Жакюляра выступила знаменитая Монаховъ.

Веселье ключомъ било у этого замѣчательнаго артиста. Сцена на крышѣ вызвала общій хохотъ, Леонія играла и пѣла Черныяская, хорошенкая, небольшого роста брюнетка, которую потомъ въ одинъ изъ своихъ приѣздовъ въ Петербургъ похитили и увезъ съ собой знаменитый трагикъ Росси.

Каменноостровский театр въ началѣ 60-хъ годовъ XIX столѣтія.

Съ гравюры на деревѣ того времени.

А. Г. Жукова, чисто русская красotka, Петила и многія другія, не могу вспомнить теперь ихъ фамилій.

Наконецъ, гремѣлъ желанный третій звонокъ, на дирижерскій стулъ вѣзбирался капельмейстеръ, кажется, Папковъ, стулалъ палочкой по пюпитру и полупустая театральная зала оглашалась звуками веселой увертюры или попури изъ пѣсенъ.

На сценѣ сидѣлъ старинный подевалъ „Жилецъ съ тромбонномъ“. Суебный Полтавецъ исполнялъ роль чадолобиваго родителя, хорошенкая Лелева—его дочь, заглядывающую на красиваго жильца, что строго запрещено ей отцомъ.

Въ этой пьесѣ выступилъ тромбонистомъ, тогда еще только начинающій артистъ, Н. Ф. Сазоновъ и сразу полонилъ своей оживленной игрой публику.

Всѣ наша компанія театраловъ была восхищена имъ. —Да, этотъ артистъ сдѣлаетъ себѣ имя,—точно предсказалъ одинъ изъ моихъ товарищей, В. В. Брандъ, тоже актероловитель, въ настоящее время одинъ изъ круннѣхъ знатокомъ театра въ Штутгартѣ.

Мы всѣ съ нимъ соглашались и охотно аплодировали талантливому актеру.

Скоро здѣсь появилась и знаменитая „Прекрасная Елена“ Оффенбаха. Въ зимнемъ сезонѣ заглавную роль исполняла Лядова, а лѣтомъ она не соглашалась выступать, пользуясь отпускомъ, и вмѣсто нея пѣла Кроненбергъ, очень недурная артистка, тоже красивая, но она далеко не могла замѣнить нашей знаменитой „русской Елены“.

Зато Парисомъ попрежнему остался красавецъ Сазоновъ, почти безголосый, но какъ то умѣвшій силой своего таланта обойти этотъ важный недостатокъ.

Озеровъ былъ преумерительный Калхасъ, Марковскій исполнялъ Менелая, а Монаховъ явился Ахилломъ.

Да, нельзя забыть Ивана Федоровича Горбунова, который съ чисто купеческимъ пошибомъ проводилъ роль бога Меркурія, прибавляя массу отсѣбятины и чисто апраксинскихъ выраженій.

Хорошенкая Лелева исполняла Ореста.

Разумѣется, на этихъ спектакляхъ театръ лопался отъ публики. Билеты было достать очень трудно. Оперетка ходила въ моду, но для нашей театральной компаніи, въ виду ея постоянства въ отношеніи посѣщенія театра, кассиръ благосклонно оставлялъ билеты.

В следующем году премьеры уже не так охотно гуляли на подмостках лютинго театра в оперетках, их замѣтила молодежь.

В „Рицарѣ безъ страха и упрека“ мнѣ пришлось услышать въ первый разъ Паншину.

Мнѣ эта оперетка такъ понравилась, что я зналъ каждое слово въ ней съ нетерпѣніемъ ожидая, когда комикъ Озеровъ перегибется черезъ ширму, во время наблюдений за женой и безупречнымъ рицаремъ, и трагикомическимъ тономъ произнесетъ:

— Нѣмецкая трагедія!

Этихъ словъ было достаточно, чтобы общій хохотъ огласилъ маленькій зрительный залъ.

Въ оперетѣ „Прекрасная Галатея“ выступилъ Н. И. Арди въ роли Мидаса. Обыкновенно исполнявшему роли писарей, приказчиковъ, въ которыхъ онъ былъ незаменимъ, Арди пришлось по волю начальства и пѣть въ опереткѣ.

Шаловалымъ Ганимедомъ вышла вся затянута въ одно трико Чернышская. Она произвела такой эффектъ этимъ появленіемъ, что на сцену къ ней посыпались записочки, букеты и даже подарки.

Одинъ изъ нашей компаніи такъ увлекся артисткой, что пробрался на сцену, желая выразить ей лично свое восхищеніе. На бѣду, почтителя искусства* поймавъ на сценѣ помощникъ режиссера и строго крикнувъ:

— Кто такой? Зачѣмъ здѣсь посторонній?

Молодой человѣкъ сейчасъ же напелся:

— Я мальчишка отъ парикмахера, — бойко отпарывалъ онъ.

— Мальчишка отъ парикмахера, чего жъ ты тутъ путаешься? Брысь!

И режиссерская длань дала нахлопку по затылку моего товарища.

* *

Въ одинъ изъ лютинскихъ сезоновъ здѣсь появился молодой, но уже знакомый публикѣ по клубнымъ сценамъ артистъ К. А. Варламовъ.

Тогда это былъ высокаго роста, довольно полный молодой человѣкъ, сразу нашедшій себѣ призваніе въ исполненіи комическихъ молодыхъ людей.

Триумфъ его былъ въ особенности въ пьесѣ „Чуховище“, въ которой онъ выступилъ великовозрастнымъ гимназистомъ.

Въ пьесѣ „Лакомый кусочекъ“, передѣланной изъ лѣтней комедіи „Die Krisen“, выступила въ первый разъ тогда еще молоденькая А. З. Тютюмова.

Тютюмова недолго оставалась на сценѣ: скоро она покинула подмостки и вышла замужъ за какого то богача, а затѣмъ, овдовѣвъ, вновь вышла замужъ за известнаго композитора Г. А. Ляпина.

Премьершей казенныхъ драматическихъ театровъ въ то время была слезливая Струйская, предшественница Савиной. Она тоже часто выступала въ Каменноостровскомъ театрѣ. Съ нею вмѣстѣ появлялась въ роляхъ грандъ-дамъ Подободова І, жена артиста Нилскаго.

Нилскій, еще не нашедшій въ то время себѣ настоящаго амбула, исполнялъ фатоль, а жившій съ нимъ вмѣстѣ Пронскій — злодѣевъ, хотя въ жизни это былъ замѣчательно незлобивый человѣкъ, единственная страсть котораго была... брюки!

Балетный дивертисментъ процвѣталъ. Обыкновенно къ его началу въ партеръ собиралось больше публики, являлись блестящіе офицеры, молодежь, всѣ они интересовались молоденькими танцовщицами, ихъ первымъ появленіемъ на подмосткахъ.

Но кромѣ балетныхъ дебютантокъ участвовали здѣсь и присяжные артисты и артистки. Танцовала здѣсь Троицкій, Стуколкинъ, Геральт, въ то время еще молодой красивый премьеръ, онъ игралъ Колина

въ „Тщетной предосторожности“, его партнершу Лизу изображала Шапошниковъ, его супруга.

Старуху мать игралъ уморительно Пишо, передѣтый въ женское платье, онъ смѣшилъ публику своими необыкновенными хватками и комическими жестами.

Танцовала здѣсь и Гаршенкова, Симская и многія другія солистки изъ балета. Программа дивертисмента была очень несложна. Какое нибудь „па-де-де“ или „па-де-труа“, характерный китайскій или какой другой національный танецъ, легкомысленная полка фолианто... Для окончанія ставили матросскій танецъ, причѣмъ бойкаго матросика изображала кто нибудь изъ танцовщицъ.

Больше всего публики театръ привлекалъ 22 и 27 іюля, день рожденія и тезоименитства Императрицы.

Обыкновенно въ эти дни на Елагинѣ устраивалось шумное гулянье, оканчивавшееся блестящимъ фейерверкомъ на Крестовскомъ островѣ, ниже теперешняго Яхт-клуба.

Вся Стрѣлка и прилегающія къ ней аллеи представляли волнующее море головъ. Пробыть туда было трудно. На обѣдахъ Невкахъ группировались безчисленная флотія лодокъ, яликовъ, переполненныхъ любителями шумныхъ зрѣлищъ.

Въ Каменноостровскомъ театрѣ ставились коротенькіе веселые водевилы. Занежались спектакли хоромъ „Славяскі“ изъ „Жизни за царя“, для исполненія котораго привлекались всѣ находящіеся въ томъ въ Петербургѣ солисты казенной оперы. Но такъ какъ ихъ въ это время оставалось сравнительно мало, то для увеличенія числа участниковъ просто приглашали любителей, толпившихся около театра въ этотъ день.

Боже мой, какихъ знакомыхъ лицъ не приходилось встрѣтить въ этомъ импровизированномъ хорѣ! Ради шутки и желанія побывать на сценѣ, въ костюмѣ передѣланныхъ и солидные чиновники, и купеческая молодежь, былъ даже случай, что одно духовное лицо, кажется, дьяконъ, выразилъ желаніе подтянуть своимъ чуднымъ басомъ, но его не допустили...

Въ антрактахъ публика, за неимѣніемъ фойѣ, высыпала вся на каменный перронъ, и здѣсь куряльщики принимались за папиросы и сигары, хотя осторожно начальство каждый разъ высылало старика сторожа, который, бродя между куряльщиками, предупредительно повторялъ:

— Господа почтенные, пожалуйста, чтобы не заронить какъ нибудь огонь, сами знаете, зданіе деревянное, какъ бы грѣхотъ не вспыхнулъ!

Это традиціонное предостереженіе было всѣмъ извѣстно, и театральные завсегдатаи шуточно отвѣчали старому:

— Ну, ну, дѣдушка, не бойся, поостережемся, а вотъ ты смотри, какъ трубочку до куришь, невзначай, не подожги самъ!

Старикъ принималъ въ серьезъ это замѣчаніе и, отмахивавшись рукою, говорилъ:

— Да что я, младенецъ какой? Ужъ если курить začну, такъ тутъ подальше, къ рѣчкѣ отойду, а то гдѣ въ кустахъ...

Театральные правила не дозволяли, чтобы артисты, участвующіе въ спектаклѣ, появлялись средѣ публики или выходили поспѣ изъ театра загроможденные и одѣтые въ костюмы, но жаркіе вечера, духота въ небольшихъ уборныхъ, поневолѣ заставляли нѣкоторыхъ изъ нихъ выходить въ антрактахъ со сцены, чтобы посидѣть на небольшой лужайкѣ подъ кустиками, сзади театра. Это было извѣстно большинству театралныхъ завсегдатаевъ, и они, какъ только опускался занавѣсъ, бѣгомъ отирались на лужайку.

Такимъ образомъ установилась „духовная“ снѣдь актеровъ съ публикой.

ОБЪ ОДНОЙ ИЗЪ РАДОСТЕЙ ЖИЗНИ.

(Записки гастронома).

Во времена доисторическія.

Въ Египтѣ.

Классическій Римъ.

Рис. американск. художника.

Какъ далеко бы мы не заглядывали въ глубь вѣковъ, мы всегда увидимъ, что одинъ изъ главныхъ вопросовъ, когда либо волновавшихъ человѣчество, былъ вопросъ о пищѣ. Первоначально этотъ вопросъ ставился въ такой формѣ: «Когда будемъ мы есть? и вообще будемъ ли мы есть?» Впоследствии онъ видоизмѣнился и уже ставился такъ: «что будемъ мы есть?» Но понадобилось много времени раньше, чѣмъ люди могли себя спросить: «Какъ будемъ мы есть?»

Чѣмъ пitalисъ и какимъ путемъ добывали себѣ пищу первобытные люди, это вопросы, которые интересуютъ главнымъ образомъ антропологовъ, но что и какъ ѣли люди, касается уже исторіи цивилизаціи народовъ.

На зарѣ цивилизаціи, религіозныя предписанія и разнаго рода вѣрованія и суевѣрія касались также и пищи людей. Многолюдныя трапезы и сѣсныя пиришества имѣли въ основѣ своей религіозныя собранія, во время которыхъ присутствующіе ѣли посвященныя богамъ жертвы и дѣлали возлиянія, посвящая чисто обрядный характеръ. Законъ во многихъ случаяхъ возбранялъ употребленіе мяса того или иного животнаго или плодовъ того или иного растенія и дерева, конечно не изъ гигиеническихъ соображеній, а потому, что данное животное или растеніе были далекиими «тотемами» того клана, изъ котораго вышелъ данный народъ или племя. Въ другихъ случаяхъ тотъ же законъ не только разпиршалъ, но и предписывалъ съѣздать тотемъ, для того чтобы заимствовать отъ него его силу, мудрость или отвагу.

Во Египтѣ, во времена фараоновъ трапезы обставлялись съ такой же пышностью и длились столь же долго, какъ и священныя обряды и религіозныя торжества. Съ другой стороны, какъ павтесовъ, такъ и кузны египтянъ были одинаково загромождены всевозможными представителями животнаго и растительнаго царства и въ обонихъ случаяхъ не послѣдовало роля вътраза магів и ахеміи. Ко всѣмъ трапезамъ, пиришествіямъ и храмовымъ праздникамъ пригласилось не мало мистичнаго. Религія древнихъ египтянъ была полна символическихъ образовъ, а мы знаемъ, благодаря Героплиту, что весьма часто въ трапезахъ и на пиришествахъ тѣхъ же египтянъ, среди цвѣтовъ и въ клубкахъ благоухающей почетное мѣсто занимала мушья или еще маленькій гробчикъ съ лежащей въ немъ деревянной фигурой усопшаго. Этотъ гробчикъ представлялъ своего рода «тотемъ» погн! Его обносили вокругъ стола и показывали возлюбленнымъ за трапезой, отъкъ являлось не нарушалось общее веселье, а называлась лишь мѣсяца, о брешности всего существующаго и о быстротѣ протекающихъ дней нашей жизни. Гробчикъ приглашалъ пользоваться со какъ можно лучше и полнѣе!

Греки и римляне были чужды духу мистичизма и не допускали подобнаго рода узковерной мѣсясы. Ихъ боги небыли человѣческой облику, они были асы, простые и питались довольно скудно. Подобно имъ застѣны долгое время оставались астетараншии и пили ключевую воду, козье молоко и легкое виноградное вино.

Еще задолго до нашей эры въ Афинахъ установился обичай принимать пищу три раза въ день: рано утромъ, въ полдень и передъ закатомъ солнца. Первая трапеза, называвшаяся «аристонъ», состояла изъ хлѣба, сыра и вина. Въ полдень люди среднего достатка ѣли крошечъ хлѣба и сыра еще и фрукты, люди богатые, — овощи, иногда рыбу. Бѣдаю довольновозвласла ключевой водой и часовыми отадыкомъ въ тѣн отъ палящихъ лучей солнца. Эта вторая трапеза именовалась: «деифонъ». Третья, вечерняя, носила названіе «арипъ». Это была уже истинный обѣдъ, въ который было принято приглашать гостей и во время котораго не возбранялось возлияніе въ честь Бахуса. Въ концѣ обѣда провозглашались тосты и неволь оживленныя бесѣды; образцы этихъ бесѣдъ можно найти въ «Пирахъ» Платона, а описаніе самыхъ пиришествъ, произведенныхъ часто въ присутствіи знаменитыхъ гетеръ и куртизанокъ, — въ произведеніяхъ многочисленныхъ поэтовъ. Вы помните предсѣе стикхотвореніе Аполонія Маврога: «Алканнахъ»?

«Разъ былъ пиръ... то пиръ былъ твой.
Острыхъ словъ, выпронизавшій
И рѣчей ясна касалась...
Были тутъ восхитѣлы, софисты
И архонты, и артисты...
Варугъ вошелъ Алканнахъ.
Онъ бесѣдой овладѣлъ,
Хохоталъ надъ мудрецами
И безумными глазами
На прекрасную глядѣлъ...»

Такъ было въ ранне-классической періодъ, но съ проникновеніемъ въ Атику восточныхъ цивилизацій греческій столъ обогащившись множествомъ экзотическихъ блюдъ и напитковъ. Тогда же вошелъ въ моду «доказаніе» за словомъ и мясо животнаго перестало употребляться исключительно для жертвоприношеній.

Карвагенные насыщались всевозможнаго рода экзотическими блюдами. Ихъ трапезы и пиришества носили характеръ грубыхъ, пьяныхъ оргій бисро разбавленныхъ и мало культурныхъ «parvenus».

РОССИЙСКИЙ
ИНСТИТУТ
АРХЕОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ
РАС
АБ

Густава Фаобера из Саламбо есть описание одного такого гва, устроенного представителями могущественной республики Гамбия.

Никто стоял до половины исчезал под коврами вражи. После сада горли красными пламенем многочисленных костров, на которых жарились быки; дуба, посыпанные анисом, чередовались с большими круглыми сырами. Громадные ваза были доверху наполнены вином, а в золотых фаянсовых корзинах помещались фрукты.

Сначала солдатам были поданы птицы под зеленым соусом, а красных маленьких тарелках, раскрасивших черным рисунком. Затем, на блюдах из черной амбры, всевозможных африканских раковинах. Когда все изысканное, на столах появились целые антоны с рогами, павлины в перьях, бараны жареные в сладком вине. В деревянных сосудах вливали из шафранной кукли жира. Громадные пирамиды фруктов возвышались рядом с пирогами из меда. Не забыты были также маленькие собачки с толстыми животами, которых откармливали оливами. Но это было специальное кароленское блюдо, к которому солдаты других народов не питались отращивать.

Ночь наступала. Тогда наившие с каварисовой ален свали и были приспешны сибидидами. Ужасе пламя отсвечивалось в вливать, атаке несмелых. Громадные ваза, украшенные пилуками зеркалами, увеличивали отражающиеся в них образы. Солдаты перебрасывали через столы табуреты из слоновой кости и золотую посуду. Они пили без разбора греческое вино или буржую, вино римской Кампани из высокотих амфор, кантабрийское из ботек и историй из лотуса, коры и кобы...

Римляне блд, как и греки, три раза в день, но в Риме очень богатые люди и золотая молодежь имела еще привычку ужинать. Гостей приглашали главным образом на ужин и очень долго считалось хорошим тоном, благодаря предписаниям Варрона, быть не более десяти человек за столом (по числу музы). Многочисленные пиры и шумные трансы вошли в моду в конце Империи. Мы знаем, благодаря Лукулау и Тримальхию, какой они отличались пышностью и обилием яств. Древние египтяне и греки, повинуясь, не употребляли для лам ножи и ложки. Но крайний ужур до тех пор, чтобы с этим же одной точной религии и этих предметов не видно ни на греческих фресках, ни на египетских панносах и статуях фараоновских гробниц, покрытых, обыкновенно, изображениями всевозможного рода яств и домашней утвари. Что же касается римлян, то хотя они и употребляли ножки для яств и супов, и ножи для разрывания больших кусков мяса, но яств они все таки предпочитали пальцами, вытирая их после еды о плат, пахуча подотенца, а иногда и о лопы обильных обладателей тушек, замывших в их время наши смокинг и фраки и называвшихся «синтезисами»¹.

* * *

Съ пламенем Римской Империи и съ воаряемъ варваров на Аппенинском полуострове, законодательство в даях гастрономии перешло к Византии. Восточные императоры блд едят и не очень хорошо, то очень много и любил многолюдные и пышные трапезы, несмотря на то, что отцы Церкви постоянно восставали против чреутоуды и разного рода утонченностей.

В конце первой половины средних веков в истории гастрономии произошел переворот. Из Византии, где угасли последние отцы парисств, упитавший, слегка подмывавший, но улыбающийся и не унывающий бог чреутоуды, короноанный лавром, этот достойный предшественник великого Гаргантюа, перелетел через Италию на родную Риму и прочно там обосновался.

Первое его урочи относится к XIV веку и первым его ученикам были аббаты Ланги и графы де Фуа, чьи горы и трапезы подробно и несторонне описаны в книге называющейся «Histoire de Navarre».

До Генриха III люди блд едят на табуретах и только в особо торжественных случаях табуреты замывались скамейками (bancs), почему эти пиры стали искорь же называться банкетам (banquets). Кому тому же времени относится появление сафеток. Они вытирали себя не только рот, но и пальцы, так как обычай есть руками все еще продолжал существовать, хотя и был объявлен разного рода прасекрещениями и предписаниями, образцы которых мы можем найти в трудах знаменитого Поттердамского, озаглавленного: «De civitate morum reipublic».

Обычай есть руками продолжался во Флоренции до XVII века, так как вилка появилась на французских столах послд 1600 г., а широкое применение получила лишь в XVIII столетии. Кому времени относится ее появление и на островах Британии. В Англия вилка была привезена, как и во Францию, из Италии в 1460 г. английские ангалейские путешественники Корнотом, автором известной книги под названием: «О вилках всевозможных, съданныхх искорь во время патристического путешествия», и была найдена его современниками, вилку столь же безобразной, как и безразличной.

Но не один лишь ангалейские пуритане находили извращения вилки. Этот непонятный предмет домашнего обихода никак в свое время не мало гонимел, между которыми не последнее место занимал св. Пётр Амьенский, пришедший в испоконечный вилка, при этом супруги одного из сыновей Петра

В Византии.

Средние века.

Конец XVIII века.

Наше время.

слова, венского дожа, пользующейся за столом для вли своих питью палачами, в маленьких виюками и ложками.

* * *

В XVI и XVII вв. люди жая много, но не тонко. Это были гурманы, а не гурмы. Людовик XIV, приговоренный к строгой диете, протукался быть довольствоваться одной мюской супа с гренами, четырьмя красными пуярами и двумя гусиными ногами. В XVI столетии самый заурядный обыватель Париза пачался за обломки четыре дожовых тарелок. В продолжение трех или четырех соть лет разного рода королевские и губернаторские декреты и приказы пытались ограничить въ семьях французской буржуазии количество подаваемых блюд. В 1563 году наказывалась пытью, тюрьмой и вичным изгнанием хозяин, повар и гости того дома, гдѣ подавалось за обломки bottle 18 блюд! И все такъ ничего не помогало. Люди обжирались, стараясь возмолить за оных пресбыть, какъ можно больше миса, оловей, рыбы, выпить, какъ можно больше вина и пива, не обращая особаго внимания на качество продуктовъ и на то, какъ они были приготоланы.

Во время Буаю, на одно и то же блюдо нагромождалась покрутъ шпатога лѣща, три или четыре кролика, поджогная цыпекъ, давое же количество голубей. Все это жинность, все это мисо сабраничалось, прожигивалось, начиналось разного рода консервализаций продуктами: шпифомъ, перцемъ, корицей, капорцами, гвоздичей, пиберекомъ и т. п. Был все, безъ разбора и безъ уаэрки. Был газюсъ, — жаренный, жаренный, въ кускахъ, въ видѣ саламиса, был лебедь, анство или индюшонокъ, откорменныхъ мускат-

выми приниками, пробовали, подобно кардиналу Дюпра, есть осаниое мясо...

Реакция противъ этого обжорства, назъ который посмѣивались назвать соотечественники фюль-Вазель въ бытность свою въ Монпелье, въ гостяхъ у графа Перигора, началась въ концѣ XVIII столѣтія и укрѣпилась въ началѣ послѣдующаго вѣка. Тогда, благодаря теоретнику кулинарнаго искусства, знаменитому Бриса-Саварею, аристократу Камбассерсу, мискинуру де Бельта, парижскому арабескису, маркизу де Вуссе, отставу самому Наполеону, а также магу и волшебнику гастрономии, — знаменитому Карему, метръ-д'отеля Таллерана, кулинарные вкусы утончились, появилась чувство мбры и гармония между каждой частью трапезы.

Въ царствование Луи-Филиппа кулинарное искусство достигало своего апогея. Отъ сложнаго фюль прошаго ничего не оставалось, крофъ изъсколькихъ кулинарныхъ рецептовъ, вродъ знаменитаго соуса Бешмеля, не мѣше знаменитаго соуса "майонезъ", приувариваго Рашеля, во время осады Порт-Мабонъ въ 1756 г., "roulade à la Reine", "purée Soufflée" и т. п. Зато какой снотности достигали "grillades", каковой барынотности и мягкости соуса и приправы, каковой легкости тѣсто!

То было счастливое время. Тогда Александръ Дема составлялъ свой бессмертный "Кулинарный Лексиконъ" (Dictionnaire de la Cuisine), докторъ Верювъ заикавался въ Maison d'Or малевать мѣню на шесть человѣкъ, шедеврѣ вкуса и гармонии, клочки булжонжъ, могущіе быть поставлены рядомъ съ лучшими творениями челоѣческой мысли, тогда всакошлѣный Бирбъ д'Орелье въспрашивался къ столу Тортюна и заикавался себѣ первый въ Парижѣ "mazagran"...

Глобтроттеръ.

Застройка изъ "Country Life".

ЛАПОТКОВО.

(Красивенск. уѣзда, Тульской губ.).

Церковь въ Лапотково.

На шоссе, ведущемъ изъ Москвы въ Харьковъ, въ 40 вер. отъ г. Тулы, въ Красивенскомъ уѣздѣ, расположено село Лапотково, издавна составляющее часть вотчины гг. Лазаревыхъ, другая часть которой, при селѣ Головановѣ, съ деревенькой, нынѣ составляетъ собственность князя Мамонтова-Лазарева. Станція Московско-Курской жел. дор., въ 4 верст. отъ которой находится Лапотково, носитъ название "Лапотково". Усадьба, фотографіе которой мы даемъ, принадлежитъ княгинѣ Леонидѣ Лазаревнѣ Урусовой, получившей ее въ приданое отъ отца.

Къ барскому дому примыкаетъ чудный паркъ на 60-ти десятникахъ и фруктовый садъ. Внутренняя отдѣлка дома издаетъ соотвѣствующее его нарядному виду: асъ комнаты наполнены старинною мебелью, картинами и портретами, среди которыхъ особенно замѣчательны портреты влиятельныхъ владѣльцевъ этого зводца — княгини Л. Л. Урусовой, написанный во весь ростъ бредальскими художникомъ Крайеромъ. Оши комната, задекларованная собою амфилау, соединяется въ томъ самомъ издѣ, въ какомъ она была въ 1787 г., въ то время, когда въ ней проводил ночь

Главный фасад баряного дома въ Лапотковѣ.

Императрица Екатерина II, возвращаясь изъ „Таврин“ и Киева въ сопровожденіи громадной свѣты. Списокъ лицъ, составившихъ эту свѣту, написанный стариннымъ красивымъ почеркомъ, виситъ въ рамкѣ въ одной изъ гостиныхъ дома; въ списокъ въ числѣ 14 особъ мужского пола значатся, между прочимъ, графъ Анталъ-Чербеть, И. И. Шуваловъ, гр. Безбородко и др., а также „Его Превосходительство Александръ Матвѣевичъ Мамонтовъ“, а въ числѣ трехъ дамъ помѣщаются: „Ея Превосходительство Анна Степ. Протасова, камеръ-фрейлина“, „Ея Сіятельство графиня Скавронская (безъ имени и отчества), камеръ-дема“ и, наконецъ, „Ея Превосходительство Марія Саввишна Перекункина, камеръ-конфѣра“.

Кромѣ того Императрицу сопровождали иностранцы: принцъ Дезинъ, графъ Кобенцель, лордъ Ватфордъ и гр. Секоръ.

И до этого посѣщенія и послѣ него, до настоящаго времени, въ Лапотковѣ перебывало много гостей, оставившихъ свои краткія замѣтки въ особомъ альбомѣ, хранящемся у книг. Урусовой. Это широкое гостепріимство княгини памято и многимъ петербуржцамъ, посѣдившимъ ея салонъ въ домѣ на Михайловской площади (приобрѣтенномъ отъ нея Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ), (теперь театр „Паласъ“), — въ то время, когда въ этомъ домѣ бывала вѣрны, до выхода замужъ дочерей княгини. Старше изъ нихъ, бывшая фрейлина, Екат. Аларъ, была замужемъ за капитаномъ I ранга Шеннымъ, погибшимъ въ 1905 г. при Цусимѣ, когда онъ одинъ, вывелъ свое судно „Сибилу“ на самое глубокое

твореніе, построивъ церковь въ Лапотковѣ и т. д.¹

Сестра ея, Анна Аларъ, вышедшая замужъ за князя Мих. Леонид. Оболенскаго, своимъ участіемъ въ великосвѣтскихъ балетинахъ представлявшихъ ежегодно вносить значительную сумму на содержаніе больницы въ селѣ Лапотковѣ. Третья изъ сестеръ, фрейлина Государыни Императрицы, княжна Антонина Аларъ, большую часть своей жизни употребила на уходъ за ранеными и больными, отбывъ въ составъ сестеръ милосердія всю японскую кампанію, ухаживая за больными во время года и, наконецъ, шесть мѣсяцевъ въ самой ужасной обстановкѣ перевязочнаго въ Лосеградѣ раненныхъ во время послѣдней балканской войны.

Нынѣ она вновь отправилась въ дѣйствующую армію въ отрядъ Георгіевской общины, въ качествѣ простой сестры милосердія.

Единственный сынъ княгини, князь М. А. Урусовъ, бывший адъютантъ военнаго министра, получившій знатное оружіе за храбрость во время японской войны, умеръ отъ ранъ, полученныхъ въ Галиціи.

Е. А. Пруссина.

Задній фасадъ дома въ Лапотковѣ.

Отдѣлъ подожимаго лазарета.

ПЕТРОГРАДЪ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Мраморный Дворецъ. Складъ Ея Королевскаго Высочества Княгини
Елены Петровны.

Ея Королевское Высочество Княгиня Елена Петровна, Ея Высочество Князь
Ювѣнъ Константиновичъ, М. К. Брѣзневичъ, Н. А. Приковскій, Л. Н.
Гартингъ, баронесса Е. А. Номаковъ, М. Г. Гарфельтъ, графиня М. К.
Толстая, княгиня М. Д. Палавандова, Е. К. Минкевичъ, фрейлина Л. В. Исавина
(завѣд. складомъ), С. А. Пель, О. В. Рыжова, Т. А. Иванцова, С. Т. Крейтеръ,
А. Р. Минкевичъ, Т. Б. Байкова, С. Н. Волкова, баронесса С. М. Номаковъ,
Н. А. Галенштейнъ.

Сербскій отдѣлъ.

Соф. Порф. Денисова, супруга шталмейстера, въ костюмѣ французской сестры милосердія по знанію infirmière majeure.

A black and white photograph of a large, dark, multi-story wooden building with a steep, gabled roof and a prominent chimney. The building is surrounded by bare trees and a snow-covered ground, suggesting a winter setting. A small figure of a person is visible in the lower left foreground near a fence.

24

A circular black and white portrait of a woman. She is wearing a dark, possibly black, headscarf or veil that covers her hair and ears. A white, wide, ruffled collar is visible at her neck. She has a serious expression and is looking directly at the camera. The background of the portrait is dark and indistinct.

A black and white portrait of a young woman, likely a nun, wearing a white headscarf. She is looking slightly to the left of the camera. The background is dark and textured.

A black and white portrait of a man in a military uniform. He is wearing a dark, heavy coat with a fur-lined hood that covers his head and ears. He has a mustache and is looking directly at the camera. He is holding a light-colored book or folder in front of his chest with both hands. The background is dark and indistinct.

A circular, black and white portrait of a woman. She is wearing a dark, possibly black, headscarf or veil that covers her hair and neck. Her face is visible, showing her eyes, nose, and mouth. She has a serious expression. The background of the portrait is a light, neutral color. The portrait is set within a circular frame.

На фотографии — семья напавшего верный раз: Н. М. Жаметта, А. С. Хитрова, О. В. Алардо-Бон-Гингаль, Н. М. Браилова, О. Н. Дорошенко; семья напавшего напавший раз: старшая сестра граф. Е. С. Тимонягу, д-р. А. М. Крестьянина, Е. А. Салыкина.

**Праздество для раненых (из собраний
Сводно-Назначного полка в Павловск).**

Среди присутствующих: Е. В. Коралев Залозный, Ольга
Константиновна, Е. И. В. Великий Князь Константинъ,
Константиновна, Е. В. Ковалъ, Георгій Константиновичъ,
графиня С. И. Граббе, старейшая сестра лазарета Королева
Залозный Овчинникова, старейшая сестра лазар. Павловск
Александровна Маурискина Катанова и друг.

**Постыление Е. И. В. Великой Княгини Марии
Павловны лазарета Приветного Конюшеского
Ведомства.**

Среди присутствующих: сестры, сестры лазарета сестры
Его Величества ген.-м. В. А. Комаровъ, проф. В. А. Тихо-
ва, д-р Давидъ Тоси, Е. И. В. Водная Княгиня Мария
Павловна, сестра милос. Дуванъ, сестра Фрола-Давидъ,
сестра Комарова, сестра барон. Штангалбергъ, сестры,
сестры лазарета: д-р Н. М. Федотовъ-Васильевъ, Н. П.
Жуковъ, д-р Ефимовъ.

блико выходящийся отъ Петербурга уголокъ превратился въ русский Капри. Будь Годомъ близъ какого нибудь иностраннаго города, онъ давно сдѣлался бы климатическимъ курортомъ.

Нельзя не приветствовать эти дальнѣйшія званія членомъ И. Р. Я.-К. Настаетъ время, когда и русский яхтъ-клубскій флагъ будетъ гордо развѣваться въ дальнихъ зарубежныхъ портахъ и гаваняхъ. А это такъ рѣдко бываетъ теперь!

Сравнившему въ 1910 г. свой 50-лѣтній юбилей, С.-Петербургскому Ръчному Яхтъ-Клубу за его плодотворную дѣятельность было даровано Государствомъ Императоромъ наименование „Императорскаго Ръчного Яхтъ-Клуба“.

И. Р. Я.-К. не прерываетъ своей дѣятельности. Старинныя его членомъ, Россия присоединилась къ гоночно-парусному союзу; въ текущемъ сезонѣ, вѣроятно, парусныя гонки состоятся не на Марсовою дужѣ, какъ картинно называется петербургское море, а на „настоящемъ“ морѣ, близъ береговъ Биска...

Г. Г.

Сиб. фот.
 „Сп. и Ул.“

Гр. Ил. Ил. Ворожцов-Дашков. Старший Член Императорского Петроградского Общества поощрения рысистого коннозаводства, командир Кавардинского конного полка, на «Косарт» завода гр. И. И. Ворожцова-Дашкова (отъ Египтограда и Кресты).

Ноты значительный жарбеб, по тропическому метас, из темной массы для играть видную роль на высоте раскостом кипоздрой.

БИБЛІОГРАФІЯ

М. Г. ДИКАНСКИЙ. *Постройка городов, их план и красота. Изд. Н. П. Карбасникова, 1915 г. 250.*

...Наслаждение сими благоговения распространять непостижимым образом явкую отраду и сладость во всей внутренности человеческой, производить спокойствие душевное и явкую согражданское удовольствие*...

Это писано в 1787 году о городских садах и шпётниках, писано у нас в России. Примерно так же думал и писал Петр Великий. Он приказал повесить—есть легенда—того, кто вырубал березовую рошчу на томъ мѣстѣ Петербурга, гдѣ теперь Казанскій соборъ...

„Кто будет маленьким без игровой площадки (площадки для игры?), тот будет взрослым без работы“, — была надпись на одном из паннолов. Берлинской выставке голубов.

«...Городы Ренн не петаются особые инстинкты к маршалу (Макс-Магону), но этот город, вообще не способен консулироваться. Я заметил, что это можно сказать обо всех городах, которые развиты по шпуре, и в тех, которых улицы перекрываются переулками. Пример: Ренн не дает настроения. Так, в 1870 г. можно было бы ожидать, что города, построенные совершенно приблизительно, идентично, перед тем утратить, в то время как старые приключения города записаны до последних крайностей», — писал кто-то в «Фигаро» о полках Макс-Магону во Фрэнции.

„Я не могу знать стронты, я совсем не знаю этих людей“, — говорит стронтель Сольнес у Ибсена.

Цитаты взяты из этой книги. Таких цитат там много, они направляют ум на вопросы, о которых мы мало думаем, а о которых думать и приятно, и необходимо. „Sweet home“, английское выражение, понимаемое и циничное как слышеть только англичанами, у нас вышло несколько слабее: „В гостях“.

хорошо, а дома лучше!... Но жить этого, «малого дома» мы и не умеем устроить, мы часто не знаем, даже, что для этого требуются непременно воздух и цветы. Много воздуха и достаточное число цветов. Нужно еще многое, но необходимые и цветы. Нужны городские площадки для игры, парки, нужны красивые здания, что так хорошо и давно полюбились же англичане и даже судя американцы, которые удивляют, что цветы и красота платят. Многое нужно, чего у нас еще нет и что мы можем легко иметь.

Книга превосходна тією, що вона будить ці свіжі мислі, вона дає багато інтересного матеріалу, і жаль, що его не єще більше.

В. К.

За позаднее время С. Н. Тройницкого вышущи два интересныя книги. Первая содержитъ въ себѣ описаніе фарфоровыхъ табакерокъ, хранившихся въ Эрмитажѣ. Изданіе богато иллюстрировано и служитъ хорошимъ дополненіемъ къ ранѣ печатаннымъ работамъ С. Н. Тройницкаго о фарфорѣ Эрмитажа.

Второе издание Троицкого — «Гербы лейб-компаний». Это громадный том, свыше 500 стр. и 200 рисунков гербов, которые получили лейб-компании за свое участие в перевороте Елизаветы Петровны. Издание представляет большой интерес для гербоведов, а в примечаниях помещены цитаты для историка впервые опубликованные данные.

П. С.-зд.

Ю. ШАМУРИНЪ, *Старая Варшава и ея окрестности*. Изд.

Фундаментальное издание «Культурная сокровища России» обогатилось новым выпуском (XI—XII), посвященным художественной старине Варшавы, к которой теперь приковано внимание. Многообразие, хорошо иллюстрированное дополняет живое изложение. Есть некоторая связность в верстке и раскладке, но книга всецело очень интересна.

„Победа“

Виктора Руссо, белгийск. скульптора.

(из „Ladies Field“).

За долгие годы существования Лондонской Королевской Академии не было такой разнообразной и интересной художественной выставки, как открытая сейчас в Барнэттон-галлери (на Пикадилли). Между прочим много картин и скульптуры бельгийских художников.

Небольшая брошка белгийского скульптора Виктора Руссо „Победа“ обращает вообще внимание изысканность и легкостью исполнения, не говоря о темб.

С. Н. ХУДЕКОВЪ.—„Исторія танцев“.

Едва ли не старший теперь балетоман, друг покойного М. И. Петрова, для которого имя было составлено изъ много балетных программ („Баязетта“, „Росина“, „Зораба“, „Весталка“) и много балета С. Н. Худковъ выпустил уже два части труда, посвященного исторіи и развитію танцевъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней.

Изданная вкратцѣ съ гравюрами и рисунками, изъ которыхъ много въ краскахъ, она даетъ наглядную картину эволюціи хореографическаго искусства.

„Памятники Музея изящныхъ искусствъ имени Императора Александра III въ Москвѣ“. Таблицы и текстъ. Выпускъ I—IV.

Стояще во главѣ научнаго изданія коллекцій Музея изящныхъ искусствъ, профессора Малимбергъ и Туревскій приложили для описанія этихъ коллекцій рядъ крупныхъ русскихъ ученыхъ, давшихъ цѣнныя научныя изслѣдованія предметовъ египетскаго искусства, античныхъ вазъ, собранія иконъ и

„Ташы вѣны“,—говоритъ одинъ изъ древнѣйшихъ писателей,—они родились въ то время, когда создавался міръ: они появились вмѣстѣ съ Адумомъ“.

Первая часть труда С. Н. Худкова отвѣдена древнему міру, начиная съ Китая и кончая Греками.

Вторая часть обнимаетъ время отъ Среднихъ вѣковъ до XVIII вѣка. Забѣ между прочимъ авторъ знакомитъ съ такими тѣнями, о которыхъ молчатъ даже энциклопедіи—„Плѣска смерти“ и „Христосовскія невѣсты“. „Св. Витта“ и проч. Значительное мѣсто отведено славянскому танцевальному искусству. Изъ которыхъ старинныя пляски показаны съ нотами и описаніемъ ихъ исполненія.

Въ настоящее время С. Н. Худковъ работаетъ надъ составленіемъ третьей части, которой и закончитъ свой трудъ.

ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ.

— Въ Лондонѣ, на французской Ривьерѣ, даже въ Америкѣ только черное и бѣлое. Бѣлый зонтикъ и кругомъ широкая черная кайма: осень красной! Сумочка—бѣлая съ черными, булочка—бѣлая съ черными, шляпа—бѣлая съ черными, сапоги—бѣлые съ черными... „Сезонъ 1915“ определенно сезонъ „black et noir“... А говорили, что война остановила моду!

— Я добавлялъ бы еще два штриха моды настоящаго момента (тепера,

кастати сказать, не бы-
ваетъ „современной моды“, а только мода момента: слѣшкомъ быстро она мѣняется)—этѣ штрихи: руссификация и шляпки. „Капы“, появившіеся въ прошломъ году,

тоже теперь руссифицируются, вотъ какъ на этихъ рисункахъ...

— Капы не капы! А вотъ вы замѣтите другое явление: до сихъ поръ въ Англии и Америкѣ знали русскій балетъ, русскую волю, юрту, симпатии немного о русскомъ казакѣ, о самоварѣ... А теперь заинтересовались юртой русской душой: явился спросъ на юрту литературу... Но это будетъ куда сложнее индѣйскимъ или египетскимъ писаньемъ и долго еще не поблудятъ тамъ русской души, склада русскаго ума...

Ex-libris выставки въ Санъ-Діево (Калифорнія).

Выставка открылась 1 янв. нын. ст. одновременно съ всемірной выставкой въ Санъ-Франциско.

проч. Многочисленная таблица въ краскахъ даетъ полное представленіе объ описываемыхъ „античныхъ предметахъ и памятникахъ“.

№ 29 выйдетъ 1 марта.

Редакторъ-издатель Вл. Крымовъ.

Т-ый Д-мъ ОБЮССОНЪ.

МЕБЕЛЬ, ° КОВРЫ, ° МЕБЕЛЬНЫЯ МАТЕРІИ.

МОРСКАЯ № 23 и 25.

Телефоны: 484-55, 606-94, 668-46.

ПОЛУЧЕНА БОЛЬШАЯ ПАРТІЯ

АВТОМОБИЛЕЙ

(ИЗЪ АНГЛІИ).

ПРИБЫВШІЕ АВТОМОБИЛИ ОСВОБОЖДЕНЫ ОТЪ РЕКВИЗИЦИИ.

Торговый Домъ

„БОРЕЙ“

ПЕТРОГРАДЪ.

Намиестровскій, собст. д., №15.

Телеф. № 226-86.